

Т. Соколова

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-27-42

Социокультурные факторы евразийской интеграции

Поиск причин «пробуксовки» социально-экономической трансформации и интеграции на евразийском пространстве в категориях геополитики и геоэкономики не увенчался успехом, поскольку распад СССР привел в движение мощные социокультурные и ментальные пласты, обусловил центробежные тенденции в масштабах некогда единой культурно-исторической общности. Ожидания быстрой отдачи от, казалось бы, «достаточно высокого потенциала естественной солидарности населяющих регион народов, которая проистекает из их многовекового совместного проживания, этнокультурного и экономического взаимодействия и встречных миграционных движений» [1, с. 3-4] оказались чрезмерно завышенными.

По логике, «снижение барьеров на пути товаров, услуг, людей и капиталов по мере углубления интеграции должно способствовать развитию взаимных торговых и инвестиционных связей и, тем самым, способствовать росту экономики регионов. Но практика постсоветских интеграционных проектов этого не подтверждает» [2, с. 31]. С одной стороны, «унаследованные от СССР общие черты и связи создают иллюзию легкости реинтеграционных процессов на нашем пространстве». С другой – «задача реинтеграции пространства оказывается много сложнее, чем формирование европейской интеграции с нуля. Прошлый опыт способен оказывать значительно более негативное влияние, нежели отсутствие опыта совместной жизни, как такового» [3, с. 81].

Чрезвычайно важное значение имеет «...отношение и интерес общества к интеграционному проекту. Это задает общий положительный фон и во многом определяет динамику» [4, с. 96]. Однако проект ЕАЭС в значительной мере находится на периферии внимания СМИ стран – участниц Союза. Интеграционная повестка имеет лишь косвенное отношение к повседневной жизни людей и поэтому воспринимается ими как нечто «виртуальное» [5, с. 5]. Все это сказывается на ходе интеграционных процессов на постсоветском пространстве, их противоречивом и разнонаправленном характере. Кроме того, по мнению академика

В.Полтеровича, «если в программе реформ не учтены существующие ресурсные, технологические, институциональные и культурные ограничения, то законодательно внедренные институты оказываются дисфункциональными» [6, с. 17-18].

Неслучайно в научном и экспертном дискурсе все чаще затрагиваются вопросы социокультурной составляющей интеграционных процессов. Так, эксперты Евразийского банка развития считают, что «успех евразийской интеграции по-прежнему будет во многом зависеть и от усилий, направленных на повышение долгосрочной устойчивости евразийского интеграционного проекта, его привлекательности не только в экономическом и военно-политическом плане, но и в научно-образовательном, культурном и общем гуманитарном аспектах» [7, с. 25].

Игнорирование социального фактора существенно снижает прочность интеграционных связей, ставит под угрозу эффективное интеграционное взаимодействие и «...даже серьезные политические договоренности и взаимозависимость национальных экономик не спасают от дезинтеграции при разрыве гуманитарной (культурной) связи и информационно-идеологическом противостоянии» [8, с. 18]. А.Крылов и А.Арешев отмечают, что «...евразийская интеграция имеет много измерений и отнюдь не исчерпывается экономическим прагматизмом. Социальная, политическая, культурно-цивилизационная составляющие играют не менее важную роль в успешной реализации интеграционного проекта» [9, с. 25].

В ряде научных трудов Института экономики РАН, посвященных интеграционной проблематике, прослеживаются схожие позиции. Так, Л.Зевин подчеркивает, что «... региональная интеграция не является чисто экономическим процессом... [Старт интеграции] становится возможным при наличии поддержки значительной части общества будущих партнеров (социальный фактор); ...мотивация к объединению опирается на исторический опыт общения и культурно-цивилизационные связи...» [10, с. 20]. Л.Вардомский утверждает, что именно социокультурные приоритеты становятся критически важными при выборе постсоветскими странами вектора интеграции: «...речь идет о выборе между присоединением к европейской интеграции, созданием своего евразийского объединения или проведением многовекторной внешней политики» [11, с. 104].

Авторы коллективного научного доклада «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» полагают, что «важнейшую роль в углублении интеграции могли бы сыграть социальные и культурные факторы. ...Использование культурных факторов более чем оправданно в интеграционном строительстве в силу взаимопроникновения культурных традиций на протяжении многих десятилетий совместного проживания народов», и приходят к выводу, что «вопросы развития

социальной сферы, выравнивания региональных и структурных диспропорций должны стать важной составляющей социально-экономической политики Евразийского экономического союза» [3, с. 87-88]. По мнению Л.Косиковой, социальные факторы призваны сыграть «цементирующую» роль в процессе успешной региональной интеграции: «...социальный фактор в процессе региональной интеграции чрезвычайно важен, как один из главных “скрепов” межгосударственных союзов, создающий стимулы к сближению именно “снизу”, со стороны населения сотрудничающих государств» [12, с. 18, 22-23].

Очевидно, сфера взаимодействия населения постсоветского пространства в сфере культуры, искусства, образования, спорта, туризма, а также личных (в том числе профессиональных, родственных и т.п.) связей изначально обладает мощным интеграционным потенциалом. Детальное исследование социокультурного (гуманитарного) притяжения стран постсоветского пространства регулярно проводится в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР», реализуемого Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития и Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор».

В 2017 г. для государств – членов ЕАЭС и Таджикистана была характерна чрезвычайно высокая плотность взаимных социальных связей – за исключением России, более 50% граждан заявили о наличии постоянно поддерживаемых связей с родственниками, друзьями, коллегами из стран региона СНГ. Наиболее высокие показатели были зафиксированы в Киргизии (80%), Армении (79%) и Таджикистане (66%). В РФ лишь 31% населения поддерживает постоянные социальные связи в соседних по региону СНГ странах, а большинство (61%) не поддерживает их вообще [8, с. 15].

Наибольший взаимный интерес закономерно проявляют жители двух славянских государств – России и Белоруссии, а также Казахстана. В силу особенностей своего социокультурного профиля Казахстан занимает промежуточное положение между «восточным» и «западным» векторами интеграционных предпочтений. Вместе с тем широкое распространение традиционных институтов родственно-семейных связей в хозяйственных практиках, коллективистская культура и распространение традиционных ценностей (религия, семья) в наибольшей степени способствуют сближению Казахстана именно с Россией и Белоруссией.

Самой близкой к России является базовая культурная идентификация Белоруссии. На вопрос: «Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?» почти три четверти белорусских респондентов отвечают «к русским», и лишь около 20% – «к европейцам», объясняя это прежде всего историческими (49,5%), культурными (39,9%) и языковыми (36,2%)

причинами [13, с. 29]. В условиях состоявшегося политического «развода» России и Украины сейчас именно на долю Белоруссии выпала особая миссия по формированию зоны объединения Евразии [11, с. 107].

Четко выраженный вектор социокультурного притяжения на постсоветском пространстве образует и сохраняющийся интерес населения стран Центральной Азии к РФ, несмотря на то что в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане проявляется тяготение и к странам арабского, персидского и тюркского национально-культурных кластеров.

Гораздо более противоречивы в проявлениях своих социокультурных предпочтений государства Южного Кавказа. Принципиальное отличие этого региона от других частей постсоветского пространства состоит в том, что он всегда чисто «исторически существовал как регион с подвижными границами, различными государственными, этническими и конфессиональными идентичностями» [14, с. 36]. До сих пор тлеющие региональные конфликты на спорных территориях (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия) ощутимо нарушают и без того хрупкий баланс социально-политического равновесия в Азербайджане, Армении и Грузии.

Самый острый камень преткновения – Нагорный Карабах. Являясь ключевым компонентом как армянской, так и азербайджанской национальной идентичности, он превратился в «яблоко раздора» как с этнополитической, так и с оборонной точек зрения [15]. Кроме того, на Южный Кавказ приходится половина (четыре из восьми) всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве – армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский, а также внутригрузинская гражданская война. Все эти «болевы́е точки», буквально пронизывающие пространство Южного Кавказа, придали отношениям государств-соседей дополнительный центробежный импульс, который существенно затруднил процессы социально-экономической трансформации Южного Кавказа.

Показательно, что ни одна из стран этого региона не считает своих непосредственных соседей друзьями. Для подавляющей части населения Азербайджана (91%) – это Турция, для Грузии (49%) – США и Дания. Население Армении (63%) ставит на первое место (и с большим отрывом) Россию [16]. Вместе с тем особое значение в сотрудничестве Грузии и Армении имеет их культурно-конфессиональная общность. В этих условиях для России наиболее целесообразным представляется наращивание экономических и гуманитарных связей со всеми странами Южного Кавказа, независимо от их текущих интеграционных предпочтений [17, с. 62-67], но с обязательным учетом их социокультурных и ментальных особенностей.

В 2017 г. внутри региона СНГ отмечен высокий взаимный интерес государств к продукции культурной индустрии – кинематографу, литературе, музыкальному искусству. Среди лидеров – Таджикистан (69%), Казахстан

(68%) и Белоруссия (60%), самый низкий показатель — в Армении (36%) [8, с. 16]. К сожалению, подобные гуманитарные скрепы «снизу» в течение длительного времени не получали должной поддержки на официальном законодательном уровне. Лишь в 2006 г. (по прошествии 15 лет с момента распада СССР) были созданы Совет по гуманитарному сотрудничеству (СГС) и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ (МФГС). В середине 2011 г. принята Концепция развития образования в сфере культуры и искусства государств – участников СНГ. По мнению Д.Ушкаловой и М.Головнина, чрезмерное увлечение экономическими теориями интеграции не могло не сказаться на эффективности попыток объединения [18, с. 37-38].

Кроме того, «идеологический шок начала 90-х гг., следствием которого стало разрушение советской идентичности многих представителей старших поколений и утрата смысла прожитой ими жизни, привел к социальной, этнической и психологической дискриминации носителей советской ментальности на всем постсоветском пространстве» [19, с. 35]. В связи с этим запустить процесс евразийской интеграции, опираясь только на разрозненные национальные идентичности, так и не удалось. Возможно, во многом именно поэтому «Евразийский экономический союз, при всей его практической полезности, не стал центром силы в Евразии» [20].

В последние годы практически во всех странах общественная поддержка ЕАЭС постепенно снижалась. Высокий уровень одобрения членства в ЕАЭС, зафиксированный в 2015 г., был, скорее всего, своего рода авансом общественного доверия, связанного с позитивными ожиданиями. Вместе с тем неблагоприятная внешняя конъюнктура, в условиях которой зарождалось и развивается новое интеграционное объединение (мировой экономический кризис, межгосударственные конфликты в регионе СНГ), не позволяет реализовать ожидания скорых положительных эффектов интеграции, и это ведет в том числе к отрицательной динамике общественных настроений.

Так, в Молдове впервые за шесть лет исследований «Интеграционного барометра ЕАБР» общий индекс притяжения к Евросоюзу стал выше аналогичного индекса притяжения к региону СНГ. Небольшая отрицательная динамика притяжения в целом ко всем странам региона СНГ зафиксирована в Армении (по отношению к России — значительная). В Таджикистане и Молдове также значительно снизилось притяжение к РФ. При этом интеграционное позиционирование самой России по-прежнему многовекторно. В предпочтениях россиян примерно в равной степени присутствуют все геополитические векторы (страны региона СНГ, ЕС и «остального мира») [8, с. 20-22].

В ходе постсоветской трансформации постепенно утрачивались и потребность в знании русского языка как языка межнационального общения, и понимание культуры других народов, населявших некогда единую страну [21; 22]. Русскоговорящая часть населения медленно перемещалась в двуязычную категорию, когда русский и титульный языки в повседневном общении используются в равной степени. За счет этого удалось компенсировать стремительное сокращение (в ряде случаев вплоть до полного запрета) использования русского языка как единственного. Представителей русскоязычной среды стало меньше на 15% в Узбекистане и на 82% в Таджикистане [23, с. 42].

За истекшие четверть века в новых независимых государствах выросло поколение, которое вместе с теми, кто в момент распада СССР были еще детьми, является носителем менталитета, принципиально отличного от советского. И это каждый пятый (около 60 млн. человек в возрасте от 15 до 29 лет) из более чем 280 млн. человек, проживающих в СНГ. В среднем доля молодежи составляет от 18 до 29% всего населения [24, с. 15]. Молодое постсоветское поколение не имеет опыта проживания в большой объединенной стране, восприятие которой формируется только на основе внешних интерпретаций.

По данным социологических опросов, отношение к СССР существенно дифференцировано в разных возрастных группах (чем моложе, тем отношение хуже или безразличнее). Особенно стремительно размывается «советская идентичность» в странах Центральной Азии, где более половины населения составляет молодежь до 30 лет, получившая среднее образование в рамках национальной школьной системы и не испытывавшая непосредственного влияния общих «советских» ценностей. Как отмечают эксперты из Казахстана, «если первые 25 лет независимого развития Центральная Азия находилась в фарватере постсоветской инерции (экономические модели, элиты и их видение мира, образование, социальный уклад и др.), то, по всей вероятности, нарождающиеся в настоящее время глобальные мегатренды и новое, последовательно набирающее силу поколение (со своими взглядами, ценностями, устремлениями и др.) обусловят для нашего региона начало совершенно нового исторического этапа» [25, с. 26, 76].

Таким образом, ностальгия и позитивное отношение к общей истории все в меньшей степени могут служить основой для интеграции, хотя тяга к новому объединению в ряде стран бывшего СССР явно присутствует. При этом отношение к распаду СССР и к возможному новому союзу существенно различается у респондентов с разным уровнем социального самочувствия. Среди неудовлетворенных сегодняшней жизнью более распространено позитивное отношение к интеграции – например, в Армении

среди неудовлетворенных своей жизнью 55% поддерживают идею объединения, среди удовлетворенных эта доля существенно ниже – 39% [26, с. 18, 19].

Желаемое усиление гуманитарной составляющей интеграционных процессов на постсоветском пространстве, как это ни парадоксально, сталкивается с отсутствием весомой поддержки и заинтересованности в более тесной интеграции со стороны самой России. По данным опросов Левада-Центра, менее 20% россиян поддержали бы более тесное объединение всех республик бывшего СССР, например, по хорошо известному типу Европейского союза [27, с. 158].

Социальные барьеры развития постсоветских государств

Путь независимого развития постсоветских государств оказался в социальном плане более сложным и непредсказуемым, чем ожидалось накануне реформ. Надежды на то, что «...опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством даст возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство в принципиально иной глобальной среде» [10, с. 16], не оправдались, и по прошествии вот уже почти трех десятилетий социальная ситуация в регионе остается напряженной.

Разрыв в уровнях ВВП на душу населения достигает более 8 раз, в уровне безработицы – более 5. При этом некоторые неожиданно выбивающиеся из общего ряда показатели (например, низкий уровень работающих бедных в Туркмении – 2,5% от общей численности занятых) объясняются либо особенностями национальной статистики, либо наличием значительного теневого сектора, трудно поддающегося учету и, вследствие этого, существенно искажающего истинную картину.

Вместе с тем «сухие» социально-экономические показатели нивелируют существенные различия в интеграционных предпочтениях и, что не менее важно, в представлениях людей о социальной справедливости. На постсоветском пространстве переплетены три основные модели социальной справедливости: *патерналистско-эгалитарная, или уравнилельная* (наиболее распространенная, унаследованная от социалистического этапа развития), *социал-демократическая* и *либерально-рыночная* – последняя в чистом виде встречается в СНГ лишь фрагментарно и, в отсутствие рыночных традиций, скорее всего, не имеет объективной почвы для своего развития. Эта особенность является серьезным препятствием для решения проблемы оптимального сочетания трудно совместимых друг с другом (в силу своеобразия постсоветского

менталитета) критериев экономической эффективности и социальной справедливости.

Мировой опыт показывает, что эффективность социально-экономических реформ напрямую зависит от качества социальной стратегии государства, отвечающей системе ценностей населения и специфике его менталитета. В работах Л.Евстигнеевой и Р.Евстигнеева показано, что в основе социальной энергии преобразований лежит прежде всего ментальность, которая «...становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста» [28, с. 179].

Вероятно, именно отсутствие достаточной социальной энергии, социального тонуса и стало одной из значимых причин промахов и неудач масштабной постсоветской социально-экономической трансформации. Как отмечает академик В.Полтерович, «в процессах социально-экономического развития важную роль играют такие элементы гражданской культуры, измеряемые с помощью опросов и экспериментов, как обобщенное доверие, толерантность, ценность свободы выбора, протяженность индивидуального планового горизонта и т.п.» [6, с. 20].

На протяжении всего этапа постсоветского развития формируется глубокое разочарование людей, ощущение ими острой социальной несправедливости, выливающейся даже в требования пересмотреть итоги реформ и, в частности, отношений собственности. Только четверть россиян согласны, что реформы отвечают интересам большинства населения. При этом тех, кто считает, что путь, по которому сейчас идет страна, ведет в тупик, существенно выше среди тех, кто оценивает нынешнюю систему распределения частной собственности как несправедливую, чем среди тех, кто воспринимает это иначе (42 и 18% соответственно) [29, с. 9]; [30, с. 48].

Социальное неравенство расценивается как чрезмерное и несправедливое всеми слоями россиян, независимо от их уровня жизни и динамики личного благополучия. Столь явное недовольство нарушениями социальной справедливости представляет собой важный фактор дестабилизации общества [31, с. 45], особенно в условиях незрелого гражданского общества, отсутствия многочисленного среднего класса, массовой бедности населения и колоссального социального расслоения. По данным опубликованного в 2017 г. первого Доклада о неравенстве в мире, с 1995 по 2015 г. доля верхней центили (1% самых крупных состояний) в России возросла в 2 раза – с 22 до 43% [32, р. 113].

После завершения острой фазы финансового кризиса 1998 г. материальное и социальное благополучие населения постсоветских государств улучшалось крайне медленно. На фоне экономического роста доля населения, живущего за чертой бедности, в начале 2000-х гг. ощутимо

ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

сокращалась (исключение составила только Армения), однако существенного снижения неравенства доходов так и не произошло (см. таблицу)

Таблица. Динамика уровня бедности и неравенства доходов

	Уровень бедности					Коэффициент неравенства доходов Джини				
Страны	2001	2005	2010	2015	2017	2000-2001	2005	2010	2015	2017
Азербайджан	49,6	15,8 ⁴	9,1	6,0 ⁷	5,4	0,37	0,17	0,34 ⁵
Армения	...	27,6 ⁵	35,8	29,8	...	0,35	0,36	0,31	0,32	0,38 ⁸
Белоруссия	28,9	12,7	5,2	5,1	5,9	0,31	0,28	0,28	0,27	0,27
Казахстан	46,7	31,6	6,5	2,7	2,6	0,36	0,30	0,29	0,27	0,29
Киргизия	...	39,9 ³	33,7	32,1	25,6	0,31	0,38	0,30	0,29	0,39
Молдавия	54,6	29,0	21,9	9,6	...	0,36	0,36	0,32	0,27	0,35
Россия	...	17,8	12,5	13,3	13,2	0,37	0,41	0,41	0,38	0,41
Таджикистан	31,3	0,34 ²	0,31 ⁶	0,34	...
Туркмения
Узбекистан	17,7	0,36	0,35 ¹
Украина	...	12,7 ⁴	8,6	6,4	2,4	...	0,29	0,25	0,26	0,26

¹ 2003 г.; ² 2004 г.; ³ 2006 г.; ⁴ 2007 г.; ⁵ 2008 г.; ⁶ 2009 г.; ⁷ 2012 г.; ⁸ 2016 г.

Составлено по: [42, с. 12, 14], [46]

Официальная статистика далеко не всегда дает точное представление об уровнях реальной бедности и неравенства. Это связано как с определенными методологическими трудностями, так и с тем, что официально установленная черта бедности (величина прожиточного

минимум) может быть значительно ниже уровня, необходимого для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. По мнению экспертов, реальный уровень бедности в Казахстане существенно выше официальных данных (2,8%) и достигает 10–20% общей численности населения [33, с. 112]. По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, в 2014 г. к бедным относилась почти треть украинцев, а в первом полугодии 2015 г. этот показатель составил уже 53,5% и имел устойчивую тенденцию к росту [34].

Что касается истинных масштабов неравенства, то ситуация выглядит еще более запутанной. Так, по данным аналитиков компании Credit Suisse Group AG, в России официальное значение коэффициента Джини¹ (0,41) занижено как минимум в два раза и составляет 0,84 [35, с. 24]. Р.Капелюшников, ссылаясь на исследование ученых-экономистов Ф.Новокмета, Т.Пикетти и Г.Цукмана, приводит цифру 0,55. По оценкам экспертов Всемирного банка, напротив, с 1998 по 2012 г. коэффициент Джини в России уменьшился почти на треть (с 0,49 до 0,33) [36].

Однако, независимо от расчетов и количественных показателей, неравенство воспринимается жителями постсоветских государств как необоснованное, что ставит под сомнение легитимность существующей экономической системы и оказывает значимое негативное влияние на уровень удовлетворенности жизнью. Его значения (по десятибалльной шкале оценок) варьируют от 4,3 баллов в Армении и Украине до 6,4 баллов в Узбекистане [37, р. 72-74].

Более того, в массовом сознании не прослеживается связь между собственными усилиями и ростом личного благосостояния. В середине 2018 г. более половины россиян считали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь», причем за последние три года их число увеличилось на 9 процентных пунктов [29, с. 60]. Отметим, что МВФ рассматривает проблему экономического неравенства как «окончательный, основной вызов нашего времени», который потенциально может привести к эффекту разорвавшейся бомбы в виде «негативных последствий для институциональных, политических, культурных и социальных систем...» [38, с. 125].

Ни в одном из постсоветских государств так и не сформировался полноценный средний класс, который мог бы сыграть роль социально-политического стабилизатора процесса евразийской интеграции. В России,

¹ Коэффициент Джини – показатель, характеризующий дифференциацию доходов населения в данной стране. Используется для оценки уровня экономического неравенства. Чем ближе его значение к единице, тем выше неравенство в распределении доходов.

например, по мнению ряда исследователей, «...неартикулированность (“размытость”) социально-политических характеристик подтверждает точку зрения о недоформированности российского среднего класса, как особого массового социального субъекта. Это пока еще больше “класс в себе”, чем “класс для себя”» [39, с. 28].

Вместе с тем за годы реформ произошли явные качественные изменения в его составе – сейчас это уже «совсем не верхний квинтиль позднего советского общества (особенно интеллигенция), который поддержал рыночные и демократические реформы рубежа 80–90-х годов, а сложный “состав” из старой номенклатуры (захватившей часть активов), различных “теневых фигур” (вплоть до представителей преступного мира), коррумпированных чиновников и новых предпринимателей» [40, с. 54]. В Белоруссии также «...социальным итогом реформ стало не формирование процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и обострившаяся поляризация общества» [41, с. 55].

Весьма чувствительным в социальном плане и болезненно воспринятым с точки зрения социальной справедливости стало повышение во многих странах СНГ возраста выхода на пенсию. На начало 2014 г. в Азербайджане он составил для мужчин 63 года, для женщин – 59,5 (с 2010 г. пенсионный возраст для женщин постепенно увеличивается до 60 лет), Казахстане, Киргизии и Таджикистане – соответственно 63 и 58 лет, Молдавии и Туркмении – 62 и 57 лет, на Украине – 60 лет и 56 лет (с октября 2011 г. пенсионный возраст для женщин постепенно увеличивается до 60 лет), в Армении и для мужчин, и женщин – 63 года. В Белоруссии и Узбекистане возраст выхода на пенсию пока сохранился на уровне 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, а в России с 2019 г. постепенно повышается до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин.

Возрастная структура населения стран СНГ за последние десятилетия меняется в сторону роста доли лиц старше 65 лет, что связано с увеличением во всех странах продолжительности жизни. В результате неизбежно усиливается давление на национальные пенсионные системы, которые в большинстве постсоветских государств и сейчас едва покрывают уровень минимальных потребностей пенсионеров. В конце 2017 г. минимальная пенсия по возрасту превышала размер прожиточного минимума пенсионера только в Белоруссии (в 1,5 раза) и Казахстане (в 2 раза). Значительно ниже прожиточного минимума был установлен размер минимальной пенсии по возрасту в Киргизии (в 2,5 раза), России и Молдове (в 1,5 раза) [42, с. 15].

Во всех странах СНГ размер пенсии по старости значительно ниже размера заработной платы. Их соотношение в 2017 г. в Армении, Молдавии и Таджикистане составляло в пределах 24–30%, в России, Киргизии, Белоруссии и Украине – 31–40%, в Казахстане и Азербайджане – 41–44%

[42, с. 23], [43]. Для сравнения: в Бразилии, Греции, Индии, Норвегии, Финляндии, Франции, Чешской Республике, Швейцарии, Швеции коэффициент замещения дохода (отношение пенсии к доходу работающего предпенсионного возраста) составляет более 50%; в Словакии – более 60%; Австрии, Венгрии, Дании, Исландии, Испании, Италии, Китае, Нидерландах – более 70% [44, с. 89].

Нарастающая интенсивность миграционных потоков в евразийском регионе, специфика социально-демографической ситуации, а также состояние национальных рынков труда неизбежно ставят на повестку дня вопросы координации пенсионных систем, создания общего пенсионного пространства. Важный шаг в этом направлении предпринят Россией и Белоруссией, подписавшими в начале 2006 г. «Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в области социального обеспечения». Согласно документу пенсия назначается на территории той страны, где человек выполнял какую-либо работу. При переезде выплата пенсии продолжается. Кроме того, возможна пропорциональная выплата пенсии двумя странами. Трудовые мигранты для сохранения стажа могут добровольно отчислять взносы в пенсионный фонд страны, гражданами которой они являются [45, с. 6, 17].

* * *

Тернистый путь евразийской интеграции, сопровождаемый кардинальным переустройством социальных основ жизни общества, позволяет предположить, что дальнейшее продвижение и углубление интеграционных процессов едва ли возможно без учета вопросов социальной справедливости, прочности и качества человеческого капитала, который становится особо значимым ресурсом в эпоху широкомасштабной цифровизации экономики и от которого, в конечном счете, зависит судьба единого евразийского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евразия в поисках идентичности* (под ред. С.П.Глинкиной, Л.З.Зевина). 2011. СПб.: Нестор-История, 256 с.
2. Вардомский Л.Б. 2017. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. – *Пространственная экономика*, №4, с. 22-40.

3. *Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации* (отв. ред. С.П. Глинкина). 2013. М.: Институт экономики РАН, 92 с.
4. Винокуров Е.Ю. 2015. Опыт региональных интеграционных объединений: уроки для ЕАЭС – *Евразийская экономическая интеграция*, №2, с. 94-97.
5. Бородачёва Е.М., Щекотуров А.В. 2017. *Евразийский медиаиндекс*. II квартал 2017 года. Москва, Минск: Институт социологии НАН Беларуси, Центр изучения перспектив интеграции, 46 с.
6. Полтерович В.М. 2018. К общей теории социально-экономического развития. Часть I. География, институты или культура? – *Вопросы экономики*, №11, с. 5-26.
7. *Интеграционный барометр ЕАБР – 2014*. Аналитическое резюме (рук. проекта В.С. Перебоев). 2014. СПб: ЦИИ ЕАБР, 32 с.
8. *Интеграционный барометр ЕАБР – 2017* (рук. проекта В.С. Перебоев). 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 108 с.
9. Крылов А., Арешев А. 2014. Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития – *Россия и новые государства Евразии*, №4 (25), с. 23-33.
10. Зевин Л.З. 2015. *О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века*. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 40 с.
11. Вардомский Л.Б. 2018. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности. – *Россия и современный мир*, №3 (100), с. 103-117.
12. Косикова Л.С. 2010. Социальные и культурные факторы региональной интеграции: опыт ЕС и СНГ. – *Социальные факторы постсоветской интеграции* (отв. ред. Т.В. Соколова). М.: ИЭ РАН, 242 с.
13. *Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов* (под ред. О. Манаева). 2012. Санкт-Петербург: «Невский простор», 534 с.
14. *Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)* (отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов). 2008. М.: Красная звезда, 392 с.
15. Бабаян Д. 2015. Азербайджано-карабахский конфликт: этнополитика и безопасность. – *Россия и новые государства Евразии*, №2 (27), с. 32-41.
16. *Caucasus Barometer regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC)*. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINFRN> (дата обращения 02.05.2019); <https://caucasusbarometer.org/en/cb2017/MAINFRN> (дата обращения 02.05.2019).

17. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В. 2014. *Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия*. М.: Институт экономики РАН, 60 с.
18. Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. 2011. *Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции*. М.: Институт экономики РАН, 44 с.
19. *Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола*. 2009. М.: Экон-Информ, 152 с.
20. Тренин Д. *Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии*. URL: <https://carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328> (дата обращения 15.03.2019).
21. *Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Аналитический отчет по исследовательскому проекту «Евразийский монитор»*. URL: <http://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/o9GDpzJR.pdf> (дата обращения 02.05.2019).
22. Рыбаковский Л.Л. *Миграционный потенциал новых независимых государств и условия его привлечения в Россию. Научный доклад*. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440637/Rybakovsky.pdf> (дата обращения 02.05.2019).
23. Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К. и др. 2014. *Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России*. М.: Фонд «Наследие Евразии», 144 с.
24. *Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет*. 2018. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 175 с.
25. *Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на десять лет вперед*. 2017. Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы, 122 с.
26. *Общественное мнение о распаде СССР в странах постсоветского мира. 1991-2016. Проект «Евразийский монитор»*. 2017. 20 с.
27. *Общественное мнение – 2014*. М.: Левада-Центр, 234 с.
28. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. 2011. *Новые грани ментальности: синергетический подход*. М.: ЛЕНАНД, 192 с.
29. Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П. и др. 2018. *Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», май 2018 г. / Под общ. ред. В. К. Левашова*. М.: Изд-во «Экон-Информ», 108 с.

30. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании. – *Мир России*. Т. 25, № 2, с. 37-67.
31. Немировский В. Г. 2017. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества. – *Социологические исследования*, № 9, с. 40-47.
32. *World Inequality Report-2018*. World Inequality Lab. 2017. 296 p.
33. Алиев Т. 2015. Бедность в Казахстане. – *Мировая экономика и международные отношения*, №12, с. 105-116.
34. *Демоскоп Weekly*. 2016. № 675–676, 22 февраля – 6 марта. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/panorm01.php#8> (дата обращения 02.05.2019).
35. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. 2015. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6, с. 19-31.
36. Капелюшников Р. 2019. Как считать неравенство – *Ведомости*, 05.03.
37. *Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update*. N.-Y.: United Nations Development Programme, 112 p.
38. Риччери М. 2017. Как спасти социальность рыночной экономики. – *Мир перемен*, №1, с. 124-138.
39. Латов Ю. В., Петухов В. В. 2017. Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора? – *Мониторинг общественного мнения*, № 6 (142), с. 1-30.
40. Григорьев Л., Курдин А. 2016. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России. – *Вопросы экономики*, №1, с. 36-62.
41. Соколова Г.Н. 2011. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества. – *Социологический альманах* (Институт социологии НАН Беларуси), № 2, с. 55-68.
42. *Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2014–2017*. 2018. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 69 с.
43. *Заработная плата в странах СНГ*. URL: <http://www.cisstat.ru/rus/macro/zp-1.pdf> (дата обращения 02.05.2019)
44. О пенсионном обеспечении в странах Содружества. 2014. – *Статистика СНГ (Статистический бюллетень)*, №12 (543), с. 81-96.
45. Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Перебоев В.С. 2014. Введение общего пенсионного пространства в странах Евразийского экономического

союза: насколько это важно и каковы последствия? – *Евразийская экономическая интеграция*, № 3, с. 5-24.

46. *The World Bank (Data Sets)*. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения 15.03.2019); <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS> (дата обращения 15.03.2019); <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC/countries> (дата обращения 15.03.2019)